

Алекс Скай

**Няня для босса, или Папа
строгого режима**

Скай А.

С42 Няня для босса, или Папа строгого режима / Алекс Скай. – М.: Литнет, 2026. – 224 с.

ISBN 978-5-521-99777-0

Вера Соколова пришла в дом Романа Ветрова обычной няней. Ну почти обычной. Сначала она перепутала вход, нарушила половину правил, спасла завтрак от уныния и за один день доказала: в этом идеальном доме слишком давно никто не смеялся.

Роман Ветров – богатый, властный и уверенный, что детей воспитывают порядком, расписанием и железной дисциплиной. Его сын Марк делает вид, что ему всё равно, маленькая Ася устраивает тайную операцию по перевоспитанию папы, а новая няня почему-то разговаривает с грозным боссом так, будто он самый трудный ребёнок в семье.

Вера не собиралась спасать чужой дом. Роман не собирался менять свои правила. Но дети уже решили: папе нужна не просто няня. Папе срочно нужна любовь. А когда случайное школьное видео превращает строгого босса в героя соцсетей, деловая репутация Романа требует идеальной семейной картинки. Только Вера не собирается становиться временной мамой по контракту – даже если сердце всё чаще подсказывает ей остаться.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99777-0

© Литнет, 2026
© Скай А., 2026

Глава 1. Няня не по инструкции

В дом Романа Ветрова я пришла через чёрный ход, с мокрым подолом, чужой собакой на поводке и твёрдым намерением про-извести впечатление спокойной, ответственной женщины.

Собака, к сожалению, была против.

Она тянула меня к воротам с такой уверенностью, будто именно её пригласили на собеседование, а я шла при ней сопровождающим персоналом. На золотистой табличке у домофона было выгравировано «Ветров», рядом стояла камера, которая смотрела на меня с явным осуждением. Я тоже бы себя осуждала: белая блузка под пальто, папка с резюме под мышкой, туфли в грязи после лужи, волосы, которые утром назывались «мягкие локоны», а теперь перешли в жанр «женщина боролась с погодой и проиграла».

— Ну что, — сказала я собаке, — если меня не возьмут, ты будешь обязана написать рекомендацию.

Собака радостно вильнула хвостом и ткнула носом в мои колени.

Я понятия не имела, чья она. Минуту назад это пушистое создание выскочило из-за припаркованного внедорожника, едва не угодило под колёса курьера и решило, что я — единственный разумный человек на этой улице. С учётом того, что я разговаривала с чужой собакой перед воротами миллиардера, выбор был спорный, но милый.

На собеседование я опаздывала уже на восемь минут.

Не критично, если бы речь шла о нормальном доме. Но дом Романа Ветрова нормальным не выглядел. Он стоял за высоким забором, строгий, светлый, огромный и такой безупречно симметричный, будто его строили люди, которые даже облака над крышей выравнивали по линейке. В таких домах, наверное, тапочки сами становились парами, дети смеялись по расписанию, а пыль извинялась перед тем, как осесть.

Мне туда нужно было попасть.

Желательно – без собаки.

Я нажала кнопку домофона.

– Да? – ответил женский голос. Сухой, прямой, будто меня уже внесли в список нарушений.

– Доброе утро. Вера Соколова, на собеседование по вакансии няни.

Пауза.

– Собеседование назначено на девять тридцать.

– Да. Я знаю. Сейчас девять тридцать восемь, но у меня уважительная причина.

– Какая?

Я посмотрела на собаку.

Собака улыбалась всем своим пушистым лицом.

– У меня временно появился хвостатый свидетель того, что я умею реагировать на непредвиденные обстоятельства.

В домофоне снова повисла пауза.

– Вы с собакой?

– Технически собака со мной. Я пыталась объяснить ей, что у нас разные карьерные траектории, но она не слушает.

– Ждите.

Домофон щёлкнул и отключился.

Ворота открылись не сразу. Я успела подумать, что, возможно, это и есть первое испытание: если кандидатка на должность няни не справится с домофоном, собакой и чувством собственного достоинства, детей ей точно не доверят. Потом сбоку открылась маленькая калитка, и на дорожку вышла женщина лет пятидесяти в тёмно-сером костюме. Настолько аккуратная, что рядом с ней мой мокрый подол стал выглядеть личным оскорблением архитектуры.

– Инга Павловна, управляющая домом, – представилась она.

– Вера Соколова. Кандидатка, временно усиленная собакой.

Инга Павловна посмотрела сначала на меня, потом на собаку, потом снова на меня.

– Животных в доме нет.

– Теперь понимаю почему. Они, наверное, боятся испортить композицию.

Её брови поднялись ровно настолько, чтобы дать понять: юмор в этом доме, скорее всего, проходил предварительное согласование.

– Собаку оставим у охраны, – сказала она.

– Отлично. Только, пожалуйста, убедитесь, что её потом вернут хозяевам, а не назначат младшим садовником.

– У нас нет младших садовников.

– Тем более. Собака не готова к карьерному росту.

Инга Павловна не улыбнулась. Зато собака радостно гавкнула, будто проголосовала за меня на выборах няни.

Пока охранник, появившийся откуда-то из бокового домика, принимал пушистого свидетеля моей гибели как кандидату, я пыталась привести себя в порядок. Пальцами поправила волосы, стряхнула с папки капли, убедилась, что резюме не превратилось в акварель, и пошла за управляющей по ровной каменной дорожке к дому.

Чем ближе мы подходили, тем яснее я понимала: этот дом меня не любит.

Он был красивый, дорогой, просторный. С большими окнами, светлыми стенами, идеально подстриженными кустами и крыльцом, на котором можно было снимать рекламу успешной жизни без единой живой эмоции. Но в нём не было ни одной случайности. Ни велосипеда у входа, ни забытых кроссовок, ни цветного мела, ни игрушки под ногами. Дом отца двоих детей выглядел так, будто дети в нём были аккуратно спрятаны в приложение к правилам эксплуатации.

– Предупреждаю сразу, – сказала Инга Павловна, открывая дверь. – У господина Ветрова строгий порядок. Дети живут по расписанию. Любые отклонения согласуются заранее.

– Даже смех?

Она посмотрела на меня.

– Что?

– Ничего. Профессиональная реакция на слово «отклонения».

Мы вошли в холл, и я окончательно поняла, что попала не в дом, а в очень дорогой музей, где экспонаты ещё не успели устать от своего совершенства. Мраморный пол, лестница с прозрачными перилами, огромное зеркало, тонкий аромат дерева и дорогого кофе. Ни одной лишней вещи. Ни одной криво поставленной пары обуви. Ни одного следа того, что здесь утром кто-то искал потерянный носок, спорил из-за бантика или ел печенье над диваном.

Я сама выросла в квартире, где кухня всегда знала больше тайн, чем взрослые, а подоконник служил штабом для всех жизненных решений. Поэтому такие дома меня настораживали. В них слишком много места и слишком мало звуков.

– Собеседование пройдёт в малой гостиной, – сказала Инга Павловна. – Сначала я задам несколько вопросов, затем, возможно, к нам присоединится Роман Андреевич.

– Возможно?

– Если сочтёт нужным.

– Понимаю. Я тоже иногда присоединяюсь к собственной жизни по необходимости.

Она опять не улыбнулась.

Что ж. Лёд был толстый. Но я пришла не с чайной ложкой.

Мы уже почти дошли до гостиной, когда где-то за стеной раздался детский крик:

– Я не буду это есть! Это грустная каша!

Инга Павловна закрыла глаза на одну секунду.

Очень короткую, но выразительную. Так закрывают глаза люди, которые много лет служили порядку и вдруг слышали, как порядок падает с лестницы в обнимку с плюшевым кроликом.

– Прошу сюда, – сказала она быстрее.

– Кажется, там кому-то нужна помощь с грустной кашей.

– Это не ваша зона ответственности.

– Пока нет. Но я претендую.

– Вера Сергеевна...

– Соколова. Сергеевна – слишком серьёзно для женщины, которая пришла с собакой.

Крик повторился:

– Она смотрит на меня!

– Кто? – спросил мальчишеский голос, гораздо спокойнее и язвительнее.

– Каша!

– Ася, у каши нет глаз.

– Зато у неё есть мнение!

Я остановилась.

Потому что ребёнок, который считает, что у овсянки есть мнение, – это уже не бытовая сцена. Это зов судьбы.

Инга Павловна шагнула мне наперерез.

– Завтрак детей проходит без участия посторонних.

– А бунт против овсянки тоже по расписанию?

– У нас нет бунтов.

Из кухни донеслось:

– Тогда я объявляю первый!

Я развела руками.

– Поздравляю. У вас исторический момент.

И пошла на голос.

Это, как я поняла позже, было первым официальным нарушением правил дома Ветрова.

Кухня оказалась огромной, светлой и такой стерильной, что в ней было стыдно не только уронить крошку, но и подумать о ней. За длинным островом сидела девочка лет шести с двумя хвостиками, в розовом платье и выражением лица маленькой королевы, которой подали не тот вид подданных. Перед ней стояла тарелка овсянки. Овсянка действительно выглядела грустно. Настолько грустно, что мне самой захотелось её поддержать или хотя бы украсить.

Рядом на высоком стуле сидел мальчик лет девяти. Тёмные волосы, серьёзные глаза, тонкая насмешливая складка у губ. В руках у него был телефон, направленный на сестру.

- Марк, не снимай! – возмутилась девочка.
- Я документирую начало революции, – сказал он.
- Я не революция. Я принцесса.
- Принцессы тоже иногда свергают кашу.
- Дети, – строго сказала Инга Павловна.

Оба ребёнка повернулись к нам.

Девочка сразу посмотрела на меня. Очень внимательно. С той безжалостной детской оценкой, которая за три секунды видит всё: мокрый подол, папку, волосы после собаки, попытку выглядеть уверенно и готовность вмешаться туда, куда взрослые прилично не вмешиваются.

- Ты новая няня? – спросила она.
- Пока кандидатка. Но уже вижу, что конкурс сложный.
- Ты умеешь отменять кашу?
- Нет.

Девочка разочарованно нахмурилась.

- Плохая няня.
- Я умею договариваться с кашей.

Марк опустил телефон чуть ниже.

- Это как?

Я подошла ближе, не спрашивая разрешения у Инги Павловны, что стало вторым нарушением. Посмотрела на тарелку. Овсянка лежала белёсой массой, рядом аккуратно стояли ягоды в маленькой пиале и кусочки яблока, нарезанные ровными кубиками. Всё было отдельно. Строго. Правильно. И совершенно безрадостно.

- Каша обижена, – сказала я.
- Ася округлила глаза.
- Я же говорила! У неё мнение!

Марк прищурился.

– И какое?

– Она считает, что её поставили на стол без подготовки. Ни костюма, ни настроения, ни команды поддержки. Конечно, она выглядит грустной. Вы бы тоже грустили, если бы вас подали как серый понедельник.

Ася прикрыла рот ладошкой.

Инга Павловна за моей спиной произнесла:

– Вера Соколова, я вынуждена...

– Одну минуту. Мы на переговорах.

Я взяла ложку, ягоды и яблоки. Быстро выложила на каше кривую улыбку, два ягодных глаза, яблочные брови и одну особенно драматичную малину вместо носа.

– Вот. Теперь это не грустная каша. Это каша господина Строгоносова, который прибыл проверить, кто здесь главный по завтракам.

Ася сначала недоверчиво посмотрела на тарелку.

Потом на меня.

Потом снова на тарелку.

– У него нос смешной.

– Он очень переживает из-за этого, поэтому требует уважительного обращения.

– А если я его съем?

– Тогда он выполнит свою миссию и станет частью великой принцессы.

Марк фыркнул.

– Великой принцессы с кашей внутри.

– Марк! – Ася возмутилась, но уже смеялась.

И вот это был момент.

Не большой. Не красивый. Не такой, ради которого пишут семейные манифесты. Просто маленькая девочка, которая секунду назад была готова объявить войну завтраку, взяла ложку и съела малиновый нос господина Строгоносова.

– Предатель, – прокомментировал Марк.

– Он сам хотел, – сказала Ася с полным ртом.

– Не разговариваем за столом с полным ртом, – машинально произнесла Инга Павловна.

Ася тут же закрыла рот рукой, но глаза у неё смеялись.

Я поймала взгляд Марка. Он всё ещё держал телефон, но уже не снимал. Смотрел на меня оценивающе.

– Ты странная, – сказал он.

– Спасибо. В резюме это называется «гибкий подход к нестандартным ситуациям».

– Папе не понравится.

– Папе многое, наверное, не нравится.

– Почти всё, – сказала Ася. – Особенно крошки.

– И шум, – добавил Марк.

– И когда я пою в ванной.

– Потому что ты поёшь как пожарная сирена.

– А ты вообще не поёшь!

– Потому что у меня есть чувство самосохранения.

Я посмотрела на них двоих и неожиданно для себя улыбнулась не рабочей улыбкой, а настоящей. В этом доме всё было слишком ровным, но дети оказались живыми. Просто их жизнь, похоже, всё время просила разрешения.

– Господин Ветров будет через пять минут, – сказала Инга Павловна ледяным голосом. – Вера Соколова, пройдёте в гостиную.

– Конечно.

Я повернулась к детям.

– Господин Строгоносов ждёт героического финала. Не подведите его.

Ася серьёзно кивнула и съела ещё ложку.

Марк снова поднял телефон.

– Я это оставляю.

– Для шантажа? – спросила я.

– Для истории.